

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 3. С. 81–91.

УДК 32:1

ЗНАЧИМОСТЬ ЯВЛЕНИЯ ЖЕРТВЫ В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Бабурова Н. Б.

Центр организации научно-исследовательской деятельности ВАВТ, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: baburova.nadezhda@gmail.com

В статье проведён анализ понятия жертвы и ценности жертвенности в контексте русской политической культуры. Выявлена взаимосвязь и перетекание смыслового наполнения таких близких понятий как: жертва, жертвенность, самопожертвование, под воздействием социальных ориентаций политической культуры. Описана зависимость активации ценностей, в частности, жертвенности от социально-экономического, информационного и воспитательного процессов.

Ключевые слова: жертва, жертвенность, ценность, политическая культура.

Подходя к вопросу русской политической культуры, рассмотрим её свойство – национальный характер, выражающийся в стиле политического действия, своего рода политический архетип, как один из феноменов комплекса установок, практикуемых в русской политической культуре. Исследование архетипов в политической культуре – вопрос сложный и неоднозначный. Несмотря на то, что архетипы, по Юнгу, непредставимы сами по себе и проявляются в сознании следствиями самих себя, в политологии можно встретить мнение [1], согласно которому архетип подразумевает обратное формирование из мифов, религий, пересказанного опыта. То есть первичные установки реакции на раздражители внешней среды и образцы поведения, сформированные многими поколениями предков, базирующиеся на константных ценностях общности, вербализируются посредством артикуляции ценностей и самооценки. Получается, что архетип является следствием процесса социализации, а не его базисом. Таким образом, можно сделать вывод, что данное понятие применительно к политологии требует дополнительного внимания исследователей, хотя словосочетание «политический архетип» для политического дискурса интересно.

Исследования, посвящённые русскому национальному характеру, выявили множество черт, которые, по мнению опрошенных, свойственны русским людям, хотя, скорее всего, перед нами лишь некий свод мнений людей о самих себе, противоречивых и не дающих какой-либо почвы для исследователя. Единственное,

что можно с твёрдостью объявить – русский национальный характер скрытен и противоречив.

Политическая культура формируется в процессе социализации личности путём усвоения ориентаций по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов [2, с. 28]. Практикуемая политическая культура соответствует способности политической системы удовлетворить потребности граждан – чем ниже уровень удовлетворения политической потребности, тем менее общество и граждане проявляют интерес к политическому участию, тем в большей степени проявляются черты парохияльного и подданнического типа (по Алмонду и Верба) политической культуры. Алмонд и Верба ранжировали политическую культуру в зависимости от требований, предъявляемых обществом к системе управления, насколько общество готово принимать участие в формировании управленческих решений, контролировать и корректировать их исполнение, что можно поставить в зависимость от практикуемых в обществе ценностей.

Среди ценностей русского общества особый интерес вызывает жертва и жертвенность в общественном сознании как стиль политического действия и средство достижения целей политическими институтами. Трактовка понятий жертвы и жертвенности весьма интересна во взаимосвязи, так как жертва может быть как следствием насилия со стороны иного субъекта¹, так и добровольной формой мены чего-то исключительно ценного на не менее или даже более ценное. Рене Жирар, анализируя пересказ об усекновении головы Иоанна Предтечи, чётко определяет род и характер жертвы как нечто чрезвычайно дорогое и желаемое всеми участниками посредством миметического процесса: «желание, становясь все более миметическим и интенсивным, отнюдь не индивидуализирует, а напротив, делает тех, кем овладевает, все более взаимозаменяемыми, все более замещаемыми друг другом» [3, с. 215]. Сама же жертва в его трактовке связана с причинами значимыми в плане социальных связей, допускающих коррективное вмешательство [3, с. 159].

В рамках политической практики понятие жертва, как общее транслированное желание, близко жертве ритуальной, назначенной, выбранной для исправления сложившейся негативной ситуации, указанной как виновная, или справедливо требуемой со стороны непрекаемо ценного. Русская политическая культура высоко ценит самостоятельную жертву человека для Отчизны, жизни будущих поколений, детей, женщин, для всех, кто нуждается в защите и не может самостоятельно противостоять невзгодам. Этот вариант жертвоприношения широко используется в патриотическом воспитании и индоктринируется на протяжении всего процесса социализации. Так, принятая в самом конце 2015 года госпрограмма «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» содержит такие содержательные задачи: развитие военно-патриотического воспитания граждан, укрепление престижа службы в Вооруженных Силах

¹ Жертва также рассматривается в контексте психологии и криминологии, где акцентируется внимание на насильственном характере действия по отношению к человеку. Отечественная криминология особое внимание уделила профилактике преступлений и, как следствие, появлению жертв насилия. В этом контексте жертва не имеет в себе ничего от сакрального значения.

Российской Федерации и правоохранительных органах, совершенствование практики шефства воинских частей над образовательными организациями и шефства трудовых коллективов, бизнес-структур, районов, городов, областей, краев и республик над воинскими частями (кораблями); создание условий для развития волонтерского движения, являющегося эффективным инструментом гражданско-патриотического воспитания; информационное обеспечение патриотического воспитания на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, создание условий для освещения событий и явлений патриотической направленности для средств массовой информации [4].

Патриотизм, Отечество как ценности имеют абстрактный характер, могут выражаться через уважение и почтение к институтам и символам государства, но они остаются пассивными, поэтому для реализации данных ценностей требуется подвижничество [5], то есть патриотическая деятельность, которая может воплощаться в самых разных формах. Часто направленность на жертвенность в социализации личности, особенно в её институциональном механизме, не обращает на себя острого внимания, так как маскируется под представления о подвиге, героизме, подвижничестве, и не в достаточной степени рационализируется объектами процесса.

Понятие жертвы в социальной практике успешно заменено ценностью жертвенности, которая является прямой наследницей основной христианской добродетели любви к ближнему и происходит от жертвы Христа на кресте: более не требовалось приносить жертвы искупления, она стала бескровной жертвой таинства Евхаристии. С позиции христианских ценностей, любовь – естественный источник жертвенности, милосердия, бескорыстной помощи, исходящих из сострадания. Жертвенность как ценность не подразумевает какой-либо выгоды для жертвователя и может быть сопряжена с подвигом и усилием, лишением и страданиями.

В 2011 году Синодальный Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества РПЦ представил документ «Вечные ценности – основа российской идентичности» [6], являющийся сводом вечных российских ценностей. В качестве пятой ценности в документе фигурирует самоограничение и жертвенность, понимаемые как отказ от эгоизма, потребительского отношения к ближним и окружающему миру. В рамках исследования духовно-нравственной культуры исследователями из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета был проведён экспертный опрос о ценностях православия [7], где кроме прочего экспертам был предложен указанный свод (в опросе приняли участие представители как светских, так и духовных учебных заведений).

Мнения духовных и светских экспертов несколько разошлись, ценность жертвенности и самоограничения была воспринята духовными экспертами как весьма значимая, так как она является действенным проявлением основополагающих ценностей христианства – любви, сопряжённой со свободой и ответственностью. Наряду с важностью этой ценности духовные эксперты отметили, что культивирование жертвенности сегодня весьма рискованно, так как в современном мировоззрении жертвенность имеет нехристианское воплощение и, прежде всего, связана со страданием и жертвованием собой. Светские же эксперты,

во-первых, не всегда относили жертвенность к православным ценностям, во-вторых, толковали её как долженствование, необходимое условие поступков человека. Жертвенность ими была оценена как вспомогательная ценность для достижения иных, которые были оценены выше, она расценена в качестве субъективно толкуемого абстрактного понятия. Светские эксперты в целом подошли к анализу ценностей с позиции инструментальности, необходимой для коммуникаций в обществе.

Результаты данного исследования весьма занимательны, так как отражают функционирование ценности жертвы и жертвенности в контексте отношений религии и государства. В исходном для себя религиозном православном контексте жертва и жертвенность не носит фатального свойства, она определяет смысл и коридор функционирования общины (общества) в рамках принятых моральных устоев, определяет меру возможного. Выходя за рамки религиозного взаимодействия, жертвенность приобретает фатальный характер и ставит перед человеком сложный моральный выбор: насколько ценна моя жизнь? Столь острый выход ценности жертвенности из рамок религиозной практики в светскую, государственную практику связан прежде всего с воинским подвигом: «нет большей любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин.15:13). Таким образом жертвенность, минуя эпоху воинствующего атеизма, освободившись от повседневного подвига любви, превратилась в жертву со стороны человека в пользу родственника, общества, государства, которая отдаётся не по любви, а взамен любви, как долг, как обязанность, наравне с правами. Жертвенность становится критерием для вхождения в сообщество, только человек подтвердивший своё намерение отдать всё, вплоть до жизни (пройти военную службу, родить и воспитать детей), может с полным правом быть частью общества. Жертвенность и жертва стали приобретать негативную коннотацию, в употреблении появилось слово самопожертвование.

Самопожертвование есть результат свободного выбора человека, связанного с осознанием объективных ценностей, идеи, имеющей единство с вечностью, осознания ценности другой жизни [8]. Самопожертвование высоко оценено, связано с героизмом, возведено в культ, требование самопожертвования никто не выдвигает. Самопожертвование по сравнению с жертвенностью менее инструментально, так как подразумевает аскезу, окончательность, сложность морального выбора среди базисных моральных ценностей личности, единства, принося в жертву третью базисную ценность – жизнь.

На протяжении значительного периода времени – более 20 лет, проводились исследования базисных ценностей россиян. В вопросе исследования ценностей мы сталкиваемся с двумя противоречивыми тенденциями: отрицание влияния национальной культуры на общественные ценности и исследование ценностей в рамках национальной культуры. В рамках обеих тенденций проводились периодические исследования, первое проведено в рамках Европейского социального исследования (ESS) с использованием ценностных показателей Ш. Шварца [9], второе проведено Центром изучения социокультурных изменений

(ЦИСИ) ИФ РАН с использованием кластерного подхода к распределению ценностей Н. И. Лапина [10].

В данном случае мы не проявляем интерес непосредственно к выявлению и классификации ценностей россиян, а обратим внимание на ценность жертвенности. Прежде всего, она фигурирует только в исследовании ЦИСИ, в Европейском социальном исследовании такой ценности нет. Разработанная ЦИСИ ИФ РАН методика относит жертвенность к числу традиционных ценностей (также выделяются общечеловеческие и современные ценности) инструментального порядка в качестве ценности-средства достижения ценности-цели. Исследователями выделены пять кластеров: интегрирующий, дифференцирующий, жизнеобеспечивающий, институционно-регулятивный и антропокоммуникативный кластеры. Как было отмечено выше, жертвенность расценивается как средство обеспечения жизни, общительности, готовность поступиться чем-то значимым, следовать моральным нормам, ориентацию на благо другого человека, общую нравственность. Жертвенность выступает мостиком к поддержанию жизни других людей, а также как способ поддержать общение, то есть жертвенность предполагает принцип ты мне – я тебе, отдавая что-то, мы ожидаем нечто исключительно ценное для себя в ответ.

И это социальное взаимодействие крайне близко описанным Р. Жираром [3] процессам миметического желания и жертвы, только жертва, связанная с миметическим желанием, имеет целью получение ответных благ, удовлетворение не миметического, а истинного желания. Это ответное ожидание связано с тремя ошибками посылок: 1) жертвополучатель предполагает иную валидность жертвы, 2) жертва не обязательно связана с воздаянием, а жертвенность вовсе её не подразумевает, 3) когнитивное искажение, связанное с верой в справедливый мир. В ответ на свою жертву жертвователь в современной практике не получает удовлетворяющего его действия и разочаровывается в действии жертвенности и социальной и коммуникативной эффективности ценности.

По результатам исследования ЦИСИ, в общероссийской шкале ценностей жертвенность находится в интегрирующем кластере, резерве, но на очень низкой позиции, гранича с дифференцирующим кластером, оппонирующим дифференциалом, в некоторых регионах жертвенность расположилась именно там. Важно отметить, что цели жертвования – жизнь, семья, общительность – входят в интегрирующее ядро и разделяются большей частью общества. Это несовпадение высокой оценки целей и недооценённых средств вызывает несколько вопросов: действительно ли ценны жизнь и семья, или это декларативные ценности, обусловленные требованием морали? Верно ли понята жертвенность? Каково соотношение декларативности ценностей и реализации их на практике? Каков иерархический уровень активации жертвенности?

Выше было отмечено, что жертвенность как ценность транслируется через блок патриотического воспитания и, соответственно, активируется только в этом контексте. В контексте бытовом транслируются преимущественно индивидуалистические ценности, которые входят в противоречие с жертвенностью и не практикуются в обыденной жизни до определённого возраста. Именно этим

можно, вероятно, объяснить два феномена социальной жизни современной России. Первый – появление ополчения из числа невоенных добровольцев среди россиян при эскалации конфликта на Донбассе. Второй – повышение значимости жертвенности у населения старше 60-ти лет и вдовых [11]. Для оценки значимости жертвенности в социально-экономических процессах также важно отметить, что жертвенность не разделяется в группе нищих и наиболее обеспеченных граждан.

Европейское социальное исследование (ESS) использовало теорию ценностей Ш. Шварца, который определяет базовые ценности как «желаемые кросс-ситуативные цели, различающиеся по важности и служащие руководящими принципами в жизни человека». Как указано выше, среди ценностей, выделяемых Шварцем, нет жертвенности, однако он оперирует ценностью благожелательности, которую раскрывает, через следующие исходные высказывания: «Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии. Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям» [9, с. 78], что перекликается с толкованием и расширением ценности жертвенности духовными экспертами Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: «С ценностью самоограничения и жертвенности связаны и другие: благорасположенность к людям, выражение которой в желании помочь другому, а также в восприятии другого не как объекта, который мешает, или, наоборот, приносит какую-то пользу, а является самоценностью; сострадание к тем, кто находится в бедственном положении» [7, с. 130].

Исследование с использованием ценностей Шварца выделило пять классов ценностей, разделяемых европейцами и россиянами, среди них наибольший интерес для нас представляет класс ценностей Роста, который включает универсализм, благожелательность и самостоятельность. «Люди, – отмечает он, – принадлежащие к этому типу [класса ценностей Роста] сильно привержены заботе об окружающих, но в то же время не ожидают от них взамен ... ответной защиты или заботы... Это альтруизм независимых людей» [9, с. 82]. Результаты исследования показывают, что в России класс ценностей Роста разделяет только 2% населения, среднее значение по Европе – 16%. Важна зависимость доли класса ценностей Роста от валового национального дохода на душу населения (ВНД); чем выше показатели ВНД, тем больше доля тех, кто разделяет класс ценностей Роста. Особо важны показатели объёма ресурсов, направленных государством в сферу образования, которые также положительно коррелируют с классом ценностей Роста, положительно сказывается на увеличении приверженцев этого класса ценностей и ожидаемая продолжительность жизни. Класс ценностей Роста разделяется обществом, лишённым оснований для тревожности. Отсутствие социальной тревожности, сочетание ценностей Открытости и Заботы, удовлетворяют потребности более высокого уровня, а не только обеспечивающие выживание, и зависят от экономического развития страны. С другой стороны, люди, разделяющие ценности Роста, более креативны и благорасположены к другим, это создаёт предпосылку к производству национального богатства, что является эффективной моделью социально-экономического взаимодействия. Таким образом, жертвенность, понятая и расшифрованная не только в контексте военно-

патриотического воспитания, а как повседневный образ благорасположенного действия по отношению к другим, может иметь значимый положительный социальный эффект.

Кроме социально-экономического контекста, имеющего весомое значение в выборе комплекса ценностей, которым руководствуется индивид, также необходимо обратить внимание на информационную составляющую процесса усвоения ценностей. Проведённые исследования показали, что ценности, входящие в интегрирующий кластер, имеют поддержку со стороны СМИ; те, что входят в дифференцирующий кластер, имеют негативное эмоциональное освещение или не затрагиваются СМИ вовсе [12]. СМИ имеют возможность актуализировать ценности, необходимые для успешного функционирования общества, порождая уверенность и веру в действенность предлагаемого образа действия.

Сегодня вера – основное мерило информации, совпадение с личным мнением – залог истинности и призыв к деятельности в том ключе, который является отражением веры и истинности, а истинность – коллективное знание, осенённое авторитетом. Как отмечал У. Эко в эссе «Средние века уже начались» [13], авторитет необходим для обеспечения преемственности и создания общего поля дискуссии, когда все понимают, о чём идёт речь. Авторитетом сегодня выступает не столько личность, сколько источник информации. Хотя доверие источнику информации тоже весьма относительно.

Опрос, проведённый «Левада-центром» [14], констатирует, что тема наступления на средства массовой информации, ущемления свободы слова не является значимой темой для общества. Хотя тут же приводится цифра (58%) о наличии цензуры на основных каналах телевидения со стороны государства, при этом стоит отметить, что доля населения, которое считает, что существует цензура на основных каналах телевидения, за последние два года уменьшилась с 69% до 58%. По мнению замдиректора «Левада-центра» Алексея Гражданкина, люди не всегда под цензурой понимают политическую цензуру и вмешательство со стороны государства, они говорят о культурно-нравственной цензуре. На прямой вопрос об ущемлении независимых СМИ 44% респондентов затруднились ответить.

Также необходимо отметить, что публику мало интересуют альтернативные источники информации: РБК, «Эхо Москвы», «Дождь» – пользуются малой популярностью, вообще когда-либо их смотрели не более 23% опрошенных. Общественно-политические новости и аналитические программы зарубежных телеканалов и радиостанций никогда не смотрят 87% опрошенных. Значительно возросло количество людей, затрудняющихся в ответах почти на все вопросы опроса. Вопрос о доверии и недоверии источнику информации не является значимым и актуальным, актуален вопрос веры факту и интерпретации.

Огромный объём информации ведёт к узкому восприятию действительности, множественность информации становится тождественна единственности информации. Ограничение в возможности интерпретации информации приводит к вере в любое мнение, которое воспринимается авторитетным, и купирует возможность достойной критики со стороны индивида. Эти условия создают возможность для жёстко контролируемой политической социализации и

ресоциализации с возможностью активизации в политической культуре тех ценностей, которые актуальны для управления политической системой.

Опрос, проведённый «Левада-центром» [15], на тему союзников и «врагов» России отражает наращивание агрессивных оценок по отношению к мировой политике, что вполне укладывается в информационную политику основных телевизионных каналов России. В целом к США, Европейскому союзу и Украине хорошо сейчас относятся соответственно 19%, 25% и 26% опрошенных, плохо сейчас относятся 70%, 62% и 63% опрошенных, затруднились сформировать свою позицию от 11% до 14% опрошенных. Из графиков «Левада-центра» очевидно, что США «назначены» громоотводом в российской информационной политике: они назначаются виновными в бедах России и планомерной агрессии по отношению к русским. Отношение к ЕС менее агрессивно и полюс мнений сменился только в апреле 2014 года. Мантра о дружественности Украины действовала долго и эффективно на общественное сознание пока во всей очевидности не оказалась недостоверной, и украинские политики приняли те политические решения, которые шли вразрез со стратегическими геополитическими интересами России: общественное мнение изменилось – Украина попала в стан врагов России.

Результаты опроса отражают наращивание посредством информационного пространства патриотизма военного толка, радикализма, единогласия, также часто слышатся обращения к религиозности в рамках православной конфессии и коллективизму посредством создания массовых общественных движений. Формирование ярко выраженного отрицательного отношения к значительной части мира ведёт к наращиванию декларируемой и потенциальной жертвенности в поведении населения, понимаемой в светском контексте долженствования.

Такая жертвенность удобная черта в характере для «потерпеть», Д. Медведев своей фразой «Денег нет, но вы тут держитесь» обращается именно к такой жертвенности. Вменённая жертвенность по отношению к социально-политическим процессам позволяет отодвинуть или вовсе отменить открытый социальный протест, выливающийся в вооружённое столкновение с представителями государственных органов.

С другой стороны, именно такая жертвенность – препятствие к развитию. Она не позволяет ставить цели, связанные с благополучием. Программирование будущего с опорой на вменённую жертвенность населения позволяет проводить очередную модернизацию системы с большими человеческими потерями и без возможности дальнейшего создания саморазвивающейся системы. Жертвенность в контексте патриотизма можно использовать в краткосрочной перспективе для решения конкретных задач.

Такие абстрактные цели как поиск истины или правды, которые не могут быть достижимы, но чётко зафиксированы в сознании, к которым с завидной регулярностью обращаются все политические силы в электоральный период, в совокупности с патриотически-жертвенным характером поведения дают простор для злоупотребления управленца и препятствуют долгосрочному развитию. Воспитание поколения в рамках государственного патриотизма, культа жертвы со стороны предков делает вменённую жертвенность в сознании поколения маркером

идентичности, а также желаемым и поощряемым способом политического действия. Таким образом, жертвенность будет приобретать распространение как декларируемая черта, а не как потенция действия. Более того, полезный смысл категории жертвенности изымается и в индивидуальном сознании заменяется смесью боли и долга.

Вменённая жертвенность в русской политической культуре выступает одновременно как результат требований со стороны общества и как способ интеграции в общество. Эта черта является требованием, передающимся из поколения в поколение, которое поощряется и используется политическими институтами. Вменённая жертвенность оказывается не добровольным поступком веры, а навязанным отказом от достижения желаемого, общество требует ни в коем случае не делать того, что хочешь, а делать то, что ему надо в то время, как индивид не испытывает в этом потребности. Можно ли сказать, что постоянное использование этой черты ведёт к формированию невроза у одного или даже нескольких поколений? А в совокупности с невозможностью оценить информацию и принятием её посредством веры оказывается, что можно достичь значительной степени сервильности по отношению к государству.

В этом залог разрушительности и невозможности созидать и развивать политическую систему в продолжительном использовании вменённой жертвенности населения в политической практике.

Необходимо формировать социальную базу для устойчивого развития государства. Как показывает опыт европейского союза в области инноваций, наибольшее количество инновационных внедрений достигается там, где меньше всего законодательно регулируют процесс инноваций. Программирование политического и социально-экономического будущего уменьшает инициативу, не предоставляя ни доверия, ни возможности, в очередной раз проявляя государственный патернализм.

Жертвенность стоит рассматривать в рамках политической культуры только как сверхчеловеческую ценность, доступную только некоторым людям. Не стоит вменять её в обязанность. Необходимо опираться только на моральные стороны жертвенности как бескорыстную любовь к ближнему, заботу о нём без ожидания какой-либо благодарности. Тогда популяризированная ценность жертвы и жертвенности может принести пользу в смысле социально-экономической эффективности. А требование со стороны общества жертвы от человека приведёт только к озлобленности и невротизации, что закроет возможности роста социальных систем и поставит под угрозу модель саморазвивающейся политической системы.

Список литературы

1. Гуляихин В. Н. Архетипы политической культуры российских граждан // NB: Проблемы политики и общества. – 2013. – № 1. – С. 153–170. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.1.332. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_332.html
2. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
3. Жирар Р. Козёл отпущения / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинды. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.

4. Постановление правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы».
5. Иванова С. Ю. Патриотизм как социально значимая ценность в современной России / Иванова С. Ю. // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения 16–17 мая 2013 г. – СПб.: СПбГУП, 2013. – С. 292–295.
6. Новоселова Е. Свобода, жертвенность, любовь // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2011. – № 5391 (15). URL: <https://rg.ru/2011/01/27/freedom.html>
7. Рязанцев И. П., Феноменология православных ценностей в оценке экспертов / П. Рязанцев, М. Подлесная, И. Козлов // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 128–135.
8. Матвеев П. Е. Поступок самопожертвования (опыт этического анализа) / П. Матвеев // Этическая мысль. – 2013. – № 13. – С. 199–211.
9. Магун В. С. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян / В. Магун, М. Руднев, П. Шмидт // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2015. – Т. 121. – № 3–4. – С. 74–93.
10. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.
11. Ласточкина М. А. Ценности населения в социокультурном пространстве региона // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. науч. журнал. – 2015. – № 8 (19). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2470>
12. Булатова Т. А. Ценности СМИ и населения Томской области: сравнительный анализ / Т. Булатова, Н. Камарова, Галашова Н. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1 (17). – С. 148–157.
13. Эко У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.
14. Левада Ю. А. СМИ: Внимание и цензура URL: <http://www.levada.ru/2016/06/06/smi-vnimanie-i-tsenzura/>
15. Левада Ю. А. Союзники и «враги» России, Европейская интеграция. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/>

Baburova N. B. The Importance of the Phenomenon of the Victim in the Russian Civil Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 81–91.

The analysis of a concept of the victim and value of sacrifice in the context of the Russian civil culture is carried out. The interrelation and an overflowing of semantic filling of close categories of concepts is revealed: the victim, sacrifice, self-sacrifice, - as a result of social orientations of civil culture. Dependence of activation of values, in particular, of sacrifice from social and economic, information, educational processes is described.

Keywords: victim, sacrifice, value, political culture.

References

1. Gulyaikhin V. N. Arkhetipy politicheskoy kultury rossiyskikh grazhdan [Archetypes of Political Culture of Russian Citizens]. Problemy politiki i obshchestva [Policy and society issues], 2013, no. 1, P. 153–170. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.1.332. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_332.html
2. Almond G. Verba S. Grazhdanskaya kultura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Moscow, Musl [Thought], 2014, 500 p.
3. Zhirar R. Kozel otpushcheniya [The Scapegoat]. SPb., Ivan Limbakh Publ., 2010, 336 p.
4. Postanovlenie pravitelstva Rossiyskoy federatsii ot 30.12.2015 № 1493 «O gosudarstvennoy programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gg.» [Russian Federation Government Resolution dated 30.12.2015 № 1493 «About the State Program «Patriotic Education of Citizens of Russian Federation for 2016–2020 years»].

5. Ivanova S. Yu. Patriotizm kak sotsialno znachimaya tsennost v sovremennoy Rossii [Patriotism as Socially Significant Value in Modern Russia]. Dialog kultur: tsennosti, smysly, kommunikatsii: XIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya 16–17 maya 2013 g. [Dialogue of Cultures: Values, Meanings, Communications: XIII International Likhachev Scientific Readings, 16-17 May 2013]. SPb., SPbGUP, 2013, P. 292–295.
6. Novoselova Y. Svoboda, zhertvennost, lyubov [Freedom, Sacrifice, Love]. Rossiyskaya gazeta. Federalnyy vypusk no. 5391 (15) [Russian newspaper. Federal edition]. URL: <https://rg.ru/2011/01/27/freedom.html>
7. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. Fenomenologiya pravoslavnykh tsennostey v otsenke ekspertov [Phenomenology of Orthodox Values in the Expert Assessment]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research], 2014, no. 8, P. 128–135.
8. Matveev P. Ye. Postupok samopozhertvovaniya (opyt eticheskogo analiza) [The Act of Self-Sacrifice (Experience of Ethical Analysis)]. Eticheskaya mysl [Ethical Thought], 2013, no. 13, P. 199–211.
9. Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. Yevropeyskaya tsennostnaya tipologiya i bazovye tsennosti rossiyan [European Typology of Values and Basic Values of Russians]. Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 2015, Vol. 121, no. 3–4, P. 74–93.
10. Lapin N. I. Funktsionalno-orientiruyushchie klasteri bazovykh tsennostey naseleniya Rossii i ee regionov [Functionally-Orienting Clusters of the Basic Values of the Population of Russia and its Regions]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 2010, no. 1, P. 28–36.
11. Lastochkina M. A. Tsennosti naseleniya v sotsiokulturnom prostranstve regiona [The Values of the Population in Sphere of Socio-Cultural Environment of the Region]. Universum: Ekonomika i yurisprudentsiya [Universum: Economics and Law], 2015, no. 8 (19). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2470>
12. Bulatova T. A., Kamarova N. A., Galashova N. B. Tsennosti SMI i naseleniya Tomskoy oblasti: sravnitelnyy analiz [Media Values and Population of Tomsk Region: A Comparative Analysis]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [The Tomsk State University messenger. Philosophy. Sociology. Political science], 2012, no. 1 (17), P. 148–157.
13. Eko U. Srednie veka uzhe nachalis [The Middle Ages has Already Begun]. Inostrannaya literatura [Foreign Literature], 1994, no. 4, P. 258–267.
14. SMI: Vnimanie I Tsenzura [Mass Media: Attention and Censorship]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/06/smi-vnimanie-i-tsenzura/>
15. Soyuzniki i “Vragi” Rossii, Yevropeyskaya Intyegratsiya [Allies and “Enemies” of Russia, European Integration]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/>